

А.А.Галкин

ПОСТУПЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И КРИЗИС ГЛОБАЛИЗМА*

ЮАПТГКГ

*В статье использованы материалы исследовательского проекта 02 03 00029 А, финансируемого РГНФ.

Журнал "ЮАПТГКГ" поздравляет ученого с мировым именем, человека, столь много сделавшего для становления и развития в нашей стране политической науки**, наконец, члена собственного редакционного совета – профессора Галкина с восьмидесятилетием!

В свое время, в конце 60-х годов, его книга «Германский фашизм» стала ярким и новаторским исследованием, своего рода научным откровением на тему, по которой уже существовали горы отечественных и зарубежных публикаций. С тех пор А.А.Галкину неизменно удавалось задавать тон в научных изысканиях в таких областях, как социальная стратификация (а также процессы маргинализации), социальная мобильность, политическое (включая электоральное) поведение массовых групп населения, воздействие современной технологической революции на социальное и политические процессы... И этот список можно продолжать.

Став, без преувеличения, классиком последней трети века двадцатого, проф. Галкин сохранил положение научного лидера и в исследовании проблем, которые встанут перед современным обществом и в наступившем столетии. Он продолжает быть генератором идей в творческих коллективах Института сравнительной политологии РАН (Центр проблем теории политики) и Института социологии РАН (Центр анализа социально-политических процессов).

Материалы этого номера дают представление лишь о двух областях нынешних научных интересов А. А.Галкина. Публикуется статья, отражающая его трактовку глобализации (как самого процесса, так и связанных с ним интерпретаций), а также рецензия на две последние коллективные монографии, вышедшие под его редакцией и анализирующих попытки европейской социал-демократии реагировать на вызовы нового века.

О глобализации, ее проявлениях и последствиях спорят уже давно. И будут спорить еще многие годы. Это не удивительно. Ведь речь идет о процессе, последствия которого сказываются на положении каждого индивида и меняют основы существования всего человечества.

** См. : Михайлов С. В. У истоков отечественной политической социологии: к 30-летию научной школы А.А.Галкина. // Политика. 1999. №1.

В ходе многочисленных дискуссий уже осмыслено многое. Но еще больше осталось неопределенностей. Как это ни странно, к их числу относится точное определение предмета анализа. Нередко стороны, участвующие в дискуссиях, понимают под глобализацией далеко не одно и то же. А это влечет за собой далеко идущие, негативные последствия.

Очень часто не проводится различия между глобализацией как таковой, конкретными формами ее реализации и глобализмом. Между тем речь идет о далеко не идентичных явлениях.

Глобализация – это этап движения человеческого сообщества к всеобщности и к адекватной ей целостной системе мироустройства в условиях очередного всплеска научно-технической революции. Тип глобализации, происходящей в современных условиях, представляет собой одну из ее возможных форм, обусловленных соотношением мировых социальных сил, отражением которого является доминирование радикально-либеральных взглядов. Глобализм – вариант осмысления нынешнего этапа глобализации, порожденная им своеобразная система ценностей и, в какой-то мере, идеология.

**Глобализация:
достижения и угрозы**

Сама по себе глобализация – явление объективное. Более того, как этап развития человеческого сообщества, она принесла с собой немало положительного. Произошло большее, чем прежде, приобщение значительной части человечества к достижениям современной цивилизации. Возникли лучшие условия для преодоления национальной и этнической замкнутости. Значительно расширились возможности получения всесторонней информации. Углубление международного разделения труда обеспечило его более высокую производительность и способствовало снижению себестоимости производимой продукции. Повысился уровень жизни у той части населения, которая оказалась включенной в сферу функционирования транснациональных монополий или государств, получивших особые выгоды от процесса глобализации.

Вместе с тем, чем дальше, тем больше, ощущаются негативные последствия глобализационных процессов.

Любое крупномасштабное общественное потрясение имеет свою социальную составляющую. Одни попадают в число выигравших, другие – проигравших. При нынешней глобализации это членение особенно очевидно. Выиграли экономически наиболее развитые страны и опирающиеся на них крупные финансово-промышленные комплексы. Именно поэтому они выступают сейчас как основная глобализирующая сила. Проиграли многие менее развитые государства, в первую очередь насильственно глобализируемые, для которых движение к целостной системе мироустройства обернулось огромными материальными и социальными издержками. Говорят, что такие издержки – неизбежная плата за поступательное движение человечества. Тем не менее, открытым остается вопрос, не является ли эта плата неоправданно высокой.

Глобализация привела к болезненной ломке сложившихся общественных отношений и стереотипов поведения многих сотен миллионов людей.

История свидетельствует, что такая ломка является обычным следствием глубоких общественных перемен. На этой основе, как правило, возникает массовое сопротивление, в ходе которого в происходящие процессы вносятся существенные коррективы. Это сопротивление, хотя и приобретает острые формы, в конечном счете, играет позитивную роль, помогая избавиться от пережестов и наносов, свойственных очередным общественным переменам.

В данном случае потрясения оказались настолько глубокими и масштабными, что неприятие новшеств и сопротивление им начали выходить за пределы, в рамках которых они поддаются контролю. Возникла опасность, что сопротивление, способное выполнять позитивные функции, может быть оттеснено на второй план чисто разрушительными действиями, в основе которых лежат традиционалистско-фундаменталистские ориентации. Этому способствует, в частности, то, что исходящие от глобализации унификационные импульсы, особенно касающиеся культуры, образа жизни, моделей поведения, вызывают, в качестве ответной реакции, завышенную оценку социокультурного своеобразия и самобытности. Таким образом, возникает среда, чрезвычайно питательная для традиционалистского фундаментализма.

В свое время беговало представление, что модернизация экономических и социальных структур, происходящая в условиях глобализации, стимулируя экономическое развитие, приведет к росту благосостояния, который, в свою очередь, если и не ликвидирует противостояние различных социальных групп, то, по крайней мере, сведет его к минимуму. Это представление не нашло, однако, подтверждения на практике.

В развитых странах, в пределах так называемого «золотого миллиарда», на протяжении последних десятилетий, действительно, сложилась сравнительно стабильная социальная обстановка. Тем не менее, и здесь, в частности, под воздействием глобализации, возникают новые, острые проблемы.

Возросшая взаимозависимость национальных экономик приводит к усилению нестабильности финансовых систем и промышленного производства. Возникает ситуация, при которой кризисные процессы, происходящие в зоне невысокого экономического развития, вызывают серьезные потрясения и в странах «золотого миллиарда». Серьезно ослабевает конкурентоспособность производимой в них продукции. В результате происходит новое обострение кризиса занятости.

Взаимосвязь этого явления и глобализации очевидна. Созданный ею мировой рынок, действующий в условиях территориальной диверсификации производства, все чаще отвергает товары,

выпущенные в экономически развитых странах, из-за их высокой себестоимости, обусловленной, в частности, значительными социальными расходами. В результате капитал этих стран все активнее перемещается в государства с дешевой рабочей силой. Тем самым, уменьшение численности рабочих мест под влиянием новых технологий, и так достаточно интенсивное, получает сильнейший дополнительный стимул. Внешним проявлением этого становится массовая безработица, перевалившая в ряде экономически развитых стран за уровень в 10% экономически активного населения.

В результате, на повестку дня вновь встает острейшая социальная проблема. Можно ли повысить конкурентоспособность производимой продукции, не посягая на стоимость рабочей силы и тем самым на исторически утвердившийся уровень и образ жизни населения? Какой будет его реакция?

Вопрос этот все еще остается открытым. Во всяком случае, первые попытки снизить стоимость рабочей силы, предпринятые в ряде стран Западной Европы, показали, что, встав на этот путь, можно спровоцировать социальную нестабильность со всеми сопутствующими ей последствиями.

Кризис занятости приобрел дополнительную динамику благодаря еще одному последствию глобализации. Разрыв в условиях существования населения развитых и отстающих в развитии стран вызвал к жизни мощные миграционные потоки. Нарастанию этих потоков дополнительно способствовало впечатление, сложившееся у сотен миллионов людей, живущих в районах перманентного бедствия, будто в экономически развитых странах им могут быть обеспечены благожелательный прием и безбедное существование. Свою роль в подпитывании таких потоков сыграли участвовавшие этнические и конфессиональные конфликты, а также кризисная ситуация на постсоветском пространстве и в ряде государств Восточной и Центральной Европы.

Сузившиеся рынки труда оказались в состоянии лишь частично поглотить прибывающие из-за рубежа потоки новой, преимущественно малоквалифицированной рабочей силы. Экономически развитые страны всячески пытаются сейчас преградить им путь, ужесточая иммиграционное законодательство и принимая жесткие меры в отношении нелегальных поселенцев. Однако насколько можно судить, эффект от этих усилий не очень заметен.

На этой основе все заметнее возрастает конфликтный потенциал в отношениях между автохтонным населением и иммигрантами.

В странах, отставших в экономическом развитии, именовавшихся ранее «третьим миром», в процессе глобализации сложились две основные подгруппы. Первую составляют так называемые «пасынки» глобализации – государственные образования, отставание которых от наиболее развитых в промышленном отношении стран,

несмотря на все усилия, осталось прежним, а в отдельных случаях даже возросло. Вторую – те, кто, набрав последние десятилетия до-полнительное ускорение, сократили дистанцию, отделявшую их от зоны «золотого миллиарда».

В первой подгруппе социальные противоречия проявляются в сравнительно примитивной и поэтому прозрачной форме. С одной стороны, под воздействием конкуренции товаров, поступающих с мирового рынка, подверглись разрушению прежние архаические формы землепользования и традиционное ремесленное производство. Это имело следствием массовое обнищание крестьян и ремесленников. С другой – местные элиты, переняв образ жизни и нормы потребления, характерные для правящих классов на Западе, существенно углубили ров, отделяющий эти элиты от основной массы сограждан.

Процессы, происходящие в остальном мире, воспроизводятся в странах этой подгруппы в искаженной, а в некоторых случаях и просто уродливой форме. Урбанизация оборачивается массовым бегством нищих крестьян в большие города, возникновением нагромождения трущоб. Становление государственности оборачивается появлением диктаторских режимов, использующих для своего утверждения самые эффективные технические средства – прежде всего, наиболее современное оружие.

Разумеется, действуют и противоположные факторы, смягчающие негативные процессы. Однако основное социальное противоречие между обездоленными и имущими не претерпело существенных изменений. Мало изменились и традиционные формы его проявления. В качестве доминирующего типа поведения чаще всего выступает насилие.

Особенности социальных отношений в странах второй подгруппы определяются сложным переплетением традиционалистских порядков, доминирующих в государствах первой подгруппы, системой взаимодействий, типичных для раннего индустриализма, и постиндустриальными влияниями, исходящими в условиях глобализации из зоны «золотого миллиарда». При этом доминируют, как правило, социальные взаимоотношения, свойственные раннему индустриализму. Для них, как известно, характерны острые формы борьбы за приемлемые условия продажи рабочей силы, за фиксированное трудовое законодательство, за правовое равенство социальных партнеров, за демократические политические институты.

Особое место заняли ныне страны, осуществляющие преобразование прежних этатистско-патерналистских порядков в рыночные отношения. Некоторые из них, почти завершив этот процесс, все очевиднее сближаются с государствами, входящими в зону «золотого миллиарда», хотя и отстают от них по ряду показателей экономического развития и уровню жизни. Другие остаются похожими на государства второй подгруппы.

Особенности социальных отношений в этих странах определяются степенью болезненности трансформационных процессов. Если они осуществляются осторожно, с учетом интересов большинства населения, его реакция, даже будучи протестной, не выходит за определяемые законом рамки. При нарушении болевого порога противодействие трансформационным процессам может принять и радикальные формы.

Многие из социальных противоречий, характерных для других районов мира, свойственны также России. Более того, оказавшись в промежуточном положении между государствами, развивающимися в соответствии с так называемой «западной моделью», и странами отстающего и догоняющего развития, она стала плацдармом, на котором переплелись наиболее острые противоречия, свойственные и тем и другим.

Одно из важных следствий глобализации – возросшая степень взаимозависимости элементов миропорядка. Между тем, чем выше эта степень, тем больше объективная потребность в упорядочивающих воздействиях, обеспечивающих стабильность системы. Такие воздействия могут быть двоякими: силовыми и согласительными, основанными на компромиссе и предполагающими опору на наднациональные институты и международное право. События последнего времени свидетельствуют, что на нынешнем этапе глобализации возрастает значимость силовых приемов, в то время как значение согласительных процедур падает. А это, в свою очередь, чревато подрывом сложившегося миропорядка.

Дополнительные опасности общественному развитию создает и то, что глобализация, подстегиваемая научно-технической революцией, создавая для нее дополнительные стимулы, одновременно, способствует диверсификации ее достижений. Один из неизбежных результатов этого – распространение неподдающегося контролю средств массового уничтожения. Соответственно, возрастает опасность перерастания межгосударственных и даже межгрупповых конфликтов в разрушительные столкновения, таящие угрозу уничтожения человечества.

Выявилось также, что нынешний этап глобализации в тех формах, в которых она реализуется, создает серьезные трудности для демократии. Остановимся на этом несколько подробнее.

Экономическая интеграция и революция в средствах коммуникации поставили перед демократией две жизненно важные проблемы.

Первая касается судьбы национального государства и национально-государственного суверенитета. Глобальное движение капитала, финансовые и информационные потоки, выходя из-под контроля национального государства и все сильнее воздействуя на внутреннюю политическую жизнь любой страны, ограничивают государственный суверенитет и вообще даже ставят его под

вопрос. Между тем исторически демократия сложилась в национально-государственных рамках. Размывание этих рамок создает вакуум для механизмов демократии. Встает вопрос об их перемещении из сферы национальных в сферу глобальных параметров. Во всяком случае, возникает противоречие, которое практически угрожает основополагающим принципам национальных демократий, так как открывает возможность неконтролируемых дестабилизирующих влияний извне. В политике анонимных, не привязанных к определенной территории мощных наднациональных центров власти все более очевидно берут верх не демократические, а, напротив, авторитарные черты и намерения.

Вторая проблема вырастает из углубляющегося противоречия между унификационными аспектами интеграционных процессов глобализации и социокультурной самобытностью национальных обществ и региональных цивилизаций. Демократия способна утвердиться в обществе только тогда, когда произрастает из его недр, из его собственных социокультурных предпосылок и традиций, особенностей мировосприятия и менталитета. Но это значит, что в мире формируются разные типы демократии, отнюдь не совпадающие с западным образцом и даже с либеральной моделью.

Вызовы глобализации, таким образом, диктуют необходимость теоретического и практического решения двуединой задачи: защиты национально-государственных очагов демократии от транснациональных источников авторитаризма и ее развития в таких формах, которые сочетали бы укрепление целостности мирового сообщества с расширением и раскрытием всего потенциала самобытности национальных и цивилизационных типов и разновидностей демократии.

Вызовы демократическому устройству общества исходят и с другой стороны. Неразрывно связанная с глобализацией беспрецедентная технологическая революция стимулирует качественный переворот в фундаменте общественного производства и, как следствие, в способе бытия и образе жизни людей.

Последствия этих перемен для общества, в том числе и для демократии, трудно переоценить. Воздействие новых технологий на общественную жизнь противоречиво: они создают огромные возможности для решения накопившихся проблем и конфликтов, но одновременно порождают вполне реальные угрозы. В частности, для перспектив демократии возникает ряд существенных проблем.

Во-первых, это проблема, которую можно назвать вызовом плюрализма. Классическая концепция демократии исходит из того, что народовластие базируется на общем интересе, разделяемом, по крайней мере, большинством граждан (общее благо) и позволяющим с помощью демократических институтов выявить их общую волю. Постиндустриальные реальности вступают в противоречие с этой посылкой.

Происходит углубление плюрализации позиций, интересов и взглядов людей. Новые технологии способствуют дроблению общества. Прежние формы социально-классовой и этнонациональной солидарности распадаются. Электронные средства коммуникации создают особые формы прямого межперсонального общения, минуя посредничество социальных и политических образований. Появляются признаки формирования более гибких видов солидарности с преобладанием духовных и нравственных интересов. Но пока они еще в зародыше и не имеют выходов в сферу политической практики.

Высокий динамизм общественной жизни обнаруживает отнесенность не только общественных структур, которые ранее казались устойчивыми, но и понятий, принципов, ценностей, которыми люди руководствуются в своем поведении. Релятивизм и дифференциация интересов фрагментируют гражданское общество и мешают добиться той степени согласия, которая необходима для демократического управления им. На этой почве возникает сциентистский соблазн «освободить» политику от громоздких институтов демократии, заменив их эффективным инструментарием «социальной инженерии», находящимся в руках профессиональных политиков.

Во-вторых, встает проблема «нового деспотизма», т.е. изоциально-рафинированных форм манипулирования обществом с помощью современных коммуникаций, массовой культуры, политического процесса. В отличие от тоталитарных и тиранических режимов «новый деспотизм» не прибегает к открытому насилию, подавлению прав личности, упразднению демократических институтов. Конструкция либеральной демократии сохраняется, но ее содержание – функции гражданского волеизъявления – выхолащиваются. Формируются гибкие механизмы навязывания гражданам «репрессивных потребностей», исходящего отовсюду, из самого образа жизни, из искусственно создаваемой системы потребительства, парализующей гражданскую активность.

Формально правовые рамки свободы выбора остаются, но его суть – «свобода во всех случаях публично пользоваться собственным разумом» – улетучивается, так как человек оказывается вне публичной сферы. Традиционная демократия начинает превращаться в пустышку, за которой скрывается «цивилизованная» форма авторитаризма.

Истоки и пороки глобализма

Глобализм как тип осмысления нынешнего этапа движения к универсализации человеческого сообщества и, соответственно, система ценностей возник не на пустом месте. Явления, описываемые ныне этим термином, были зафиксированы гораздо раньше, хотя и именовались иначе. В ходу было понятие «интернационализм». Почему произошла замена, объяснить не просто. Существует

мнение, что в ее основе лежали идеологические мотивы. Среди части общественности бытовало представление, что интернационализм содержательно связан с левой системой ценностей. Отсюда нежелание использовать его в качестве инструмента аналитической работы. Чтобы устранить связанные с этим помехи, и был введен идеологически нейтральный термин.

Как бы то ни было, такой термин утвердился. Но даже удивившись, он не мог свести на нет преемственность понятий. И это повлекло за собой множество последствий.

Наиболее существенное из них – первоначальное предпочтительное отношение интернационалистски ориентированных движений, организаций, научных сообществ и рядовых граждан к тому, что понималось под глобализмом. В результате, любая критика глобалистских постулатов, как и указания на реальные противоречия глобализации, стали отвергаться с порога как проявление консервативного традиционализма, антипрогрессизма и национализма.

Все это, естественно, способствовало открытости по отношению к постулатам глобализма широких общественных кругов. В том же направлении действовал укоренившийся в развитых обществах крайний прогрессизм – глубокое убеждение в том, что позитивное развитие человечества предопределено изначально и что его содержание составляет движение от менее хорошего к лучшему.

Имело значение и то, что негативные последствия глобализации первоначально не были столь заметны, как впоследствии. Если же они проявлялись, их воспринимали, как нечто несущественное и побочное, не идущее ни в какое сравнение с конечными результатами происходящего.

Важную роль в становлении глобализма сыграла также заинтересованность в утверждении его системы ценностей влиятельных социальных и политических сил, либо выигравших в результате глобализации, либо рассчитывающих на такой выигрыш. На достижение этой цели были мобилизованы значительные финансовые и политические ресурсы.

Каковы же исходные установки глобализма?

Поскольку сама глобализация – процесс объективный, предполагается, что все связанное с ним должно приниматься без каких бы то ни было возражений (современный вариант известного тезиса «Все сущее разумно»). Отсюда неприятие тезиса о возможности различных типов глобализации. Сама она рассматривается как однолинейное поступательное движение, исключающее любую цикличность и вариативность.

Содержательно глобализация понимается как процесс расширения установок и ценностей так называемой западной цивилизации на все остальные регионы земного шара. Остальные цивилизации должны, в конечном счете, либо существенно измениться, сохранив лишь некоторую специфику, либо исчезнуть.

Ценность существующих цивилизаций, политических культур и, соответственно, народов в значительной степени определяется степенью их интеграции в глобализационное развитие. Те, кто уже полностью включились в него или активно демонстрируют готовность сделать это, признаются цивилизованными (в широком смысле этого слова). Те же, кто медлит или противодействует такому включению, провозглашаются нецивилизованными, выпавшими (или выпадающими) из основного потока развития человеческого сообщества.

Наличие противоречий, порождаемых глобализацией, если не отрицается, то, по меньшей степени, преуменьшается. Эти противоречия рассматриваются как некие неудобства, которые не в состоянии помешать продвижению вперед и будут преодолены в результате его успехов.

Глобализму свойственна также склонность к преувеличению реального уровня глобализации. При его описании обычно делается упор на те сферы общественной деятельности и производства, в которых глобализация, действительно, существенно продвинулась вперед (финансы, информатика, частично – производство). То обстоятельство, что многие другие жизненно важные сферы находятся лишь на пороге глобализации, либо даже не подошли к нему, если и не игнорируется, то, по возможности, замалчивается.

Одновременно предполагается, что глобализация несет с собой исключительно блага. Если та или иная общность (государство, этническая или социальная группа) их не ощущает, это объясняется лишь тем, что она недостаточно включена в глобализационный процесс. Достаточно интенсифицировать усилия, направленные на такое включение, чтобы желаемые блага стали достоянием всех членов общества.

Разумеется, далеко не каждое из названных положений разделяется всеми сторонниками глобализма. Среди них, как и среди носителей других систем ценностей, существуют различия, порой весьма существенные. Изложенное выше представляет собой несколько упрощенное воспроизведение наиболее часто декларируемых положений. Тем не менее, все они в разных сочетаниях имеют хождение, присутствуют в специальной литературе, используются в публицистике и политических декларациях и, в большей или меньшей степени, формируют общественные взгляды.

Беда этих положений лишь в том, что при наложении на существующую действительность они убедительно демонстрируют предвзятость и оторванность от реальной жизни. Все более очевидной становится необходимость поиска альтернативных вариантов глобализации. Решительное отторжение во многих странах вызывает уподобление глобализации вестернизации, навязывание представителям других цивилизаций западных форм организации общественной жизни.

В результате берет верх реалистическая оценка действительного уровня глобализации, сложности и продолжительности того пути, которые предстоит пройти, прежде чем она приведет к действительному преобразованию мироустройства. Все очевиднее становится объем и острота тех проблем, которые порождают глобализационные процессы.

Не случайно в последние годы в серьезных научных и политических кругах все чаще звучит тезис о кризисе глобализма и как теории, и как практического руководства к действию.

Антиглобализаторы и многоглобалисты

Как это не парадоксально, но большинство специалистов в области глобализации долгое время просто не замечали признаков того, что накопление порожденных ею противоречий активизирует и приводит в движение влиятельные общественные силы.

Принято считать, что первым звонком, оповестившим мир об этих силах, стали массовые демонстрации протеста в Сиэтле. Между тем, это представление требует некоторых уточнений. События в Сиэтле можно считать сигналом того, что борьба против издержек глобализации распространилась на зону «золотого миллиарда». Однако за пределами этой зоны борьба развернулась значительно раньше. По сути дела, первым массовым движением, ставшим реакцией на включение страны в глобализационные процессы, была иранская революция конца 70-х гг.

Полезно напомнить, что главный толчок, вызвавший к жизни бурные события в Иране, был дан так называемой «Белой революцией», осуществленной тогдашним шахом. Ее содержание заключалось в форсированном насаждении западных образцов общественной организации, производства и образа жизни – то есть, в преимущественно насильственном приобщении страны к «благам западной цивилизации». Практически это было – применительно к тому времени – именно тем, что сегодня именуют внедрением глобализации.

Внешне «Белая революция» дала неплохие результаты. Были модернизированы политические институты. Повысился образовательный уровень населения. Наметился заметный рост производства. Появились новые отрасли промышленности.

Вместе с тем за фасадом вроде бы очевидных успехов скрывались глубочайшие кризисные явления. Урон, нанесенный традиционным формам существования, оказался крайне болезненным и стал причиной негодования массовых слоев иранского общества. Его стабильность была в корне подорвана. Политические институты страны рухнули, похоронив под своими обломками и шахский режим, и его нововведения.

Как известно, этот ранний антиглобалистский порыв был осуществлен под обскурантистскими лозунгами и отбросил страну на многие годы назад. Однако в данном контексте важно, прежде всего,

то, что именно тогда мыслящей части человечества было наглядно продемонстрировано, насколько опасно причислять под одну гребенку сообщества, принадлежащие к различным цивилизациям, и как осторожно нужно действовать, вступив на тропу глобализации.

Если революция конца 70-х гг. в Иране положила начало фундаменталистскому течению как реакции на издержки глобализации, то события в Сиэтле можно с полным основанием считать провозвестником другого, прогрессистского движения, выступающего против издержек осуществляемого ныне варианта глобализации.

Противники этого движения делали (и делают) упор на то, что в нем участвуют националистические течения, что проводимые им акции протеста сопровождаются хулиганскими выходками, что свойственный движению запал является чисто протестным, а, следовательно, неконструктивен.

Некоторые из этих упреков имеют реальные корни. Как всякое широкое массовое движение, особенно на первоначальном этапе, прогрессистское движение против издержек глобализации неоднородно. Его образуют самые различные элементы – от левых до правых. Среди его сторонников можно найти и националистов, которые по своим установкам ближе к фундаменталистам из экономически менее развитой части мира, чем к соратникам по движению в странах «золотого миллиарда». К проводимым движением акциям нередко примыкают и чисто деструктивные группы, для которых любые массовые выступления – всего лишь благоприятная возможность заявить о себе, провоцируя нарушения общественного порядка.

Вместе с тем, лицо рассматриваемого движения определяют не эти группы. По сути дела, оно выполняет важную функцию, обращая внимание общественности на реальные угрозы нынешней модели глобализации и, тем самым, способствуя предостережению возможных потрясений в будущем. В известном смысле его нынешняя роль похожа на ту, которая выпала на долю рабочего движения в период становления и развития капитализма. Известно, что современный социально ориентированный, развитый капитализм не приобрел бы нынешний облик, если бы не решительное сопротивление первоначальному дикому, примитивному капитализму, которое было оказано рабочими организациями.

При этом, пытаясь придать «человеческое лицо» глобализации, движение работает не только на будущее. Ставя вопрос об альтернативе и сплачивая вокруг этой идеи массы, оно образует плотину, препятствующую набирающему силу фундаменталистскому потоку.

Не выдерживает серьезного анализа и обвинение движения в том, что оно выступает против объективного процесса универсализации человеческого сообщества. И дело не только в том, что

основные составляющие его организации и группы решительно отвергают это обвинение. Для его опровержения имеются и более существенные основания. Даже беглый анализ свидетельствует, что социальные группы, породившие и поддерживающие это движение, сами органически связаны с глобализацией. Для осуществления своих акций движение широко использует последние достижения научно-технической революции, на которых зиждется глобализация. Действительная цель его атак – не глобализация, а ее нынешняя модель.

Дополнительное свидетельство этого – наметившийся переход основных организаций, объединений и групп, образующих движение, к созидательной деятельности. Переломную роль в этом смысле сыграли события в Генуе в июле 2001 г. Они продемонстрировали не только возросшую массовость движения, но и всю ограниченность и даже ущербность уличных протестов, особенно сопровождаемых насилием.

Пока разработка альтернативной модели глобализации не вышла за границы предварительного этапа. Однако в нее уже включились – прежде всего, в Западной Европе – достаточно серьезные научные силы. И их первоначальные разработки обещают результаты, которые заслуживают того, чтобы стать предметом серьезных обсуждений.

В свете сказанного очевидно, насколько важно с исследовательской точки зрения понятийно развести два явления, объединяемые в политической публицистике в рамках термина «антиглобалисты». Антиглобалистами (или, точнее, антиглобализаторами) в прямом смысле этого слова являются лишь участники обскурантистско-фундаменталистского течения, стоящие на позициях крайнего традиционализма. Представители другого, прогрессистского течения, добивающиеся иной глобализации, было бы правильнее именовать иноглобалистами.

Разумеется, суть здесь не в терминологических обозначениях. Они просто помогают понять, что, несмотря на поверхностное сходство (вроде бы и те, и другие выступают против нынешней глобализации), они не только не идентичны, но являются социальными и политическими антиподами.

Глобализация и терроризм Особого разговора заслуживает такое последствие глобализации как вспышка международного терроризма.

Разумеется, сам по себе терроризм явление не новое. Он проявлял себя и в давнем, и в сравнительно недавнем прошлом. При этом, обращаясь к истории, нетрудно проследить определенную цикличность его активности. Терроризм переживал периоды подъема и спада. И это, как правило, было обусловлено рядом внешних обстоятельств, прежде всего условиями существования конкретной общности.

Поэтому, учитывая исторический опыт, при оценке нынешней активизации терроризма как международного феномена и выработке средств борьбы против него важно выявить породившие его объективные причины. И тут мы опять же выходим на влияние глобализационных процессов.

В этой связи можно выделить несколько кластеров причин. Прежде всего, – экономические. О них в иной связи уже говорилось выше. Накопление нищеты на одном полюсе земного шара и вызывающего богатства – на другой, характерное для современного мира, является постоянно действующим генератором, вырабатывающим нетерпимость, озлобление, ненависть. Они далеко не всегда реализуются в виде обращения к терроризму, но создают то поле, на котором возрастают его побег.

Разумеется, глубокий разрыв в условиях существования между бедными и богатыми странами наличествовал и прежде, задолго до того, как стали сказываться нынешние глобализационные процессы. Глобализация привнесла в качестве нового фактора такой мощный социо-психологический феномен как эффект сравнения.

В исторически недавнем прошлом подавляющее большинство населения экономически отсталых стран не представляло степени различия в условиях существования, сложившихся в различных частях земного шара. Образ и уровень жизни, в которых проходила их социализация, воспринимался как естественный и единственно возможный. О наличии других, более благоприятных условий имелись лишь смутные представления.

Глобализация средств массовой информации коренным образом изменила картину. Возможность сравнения своего образа жизни с тем, который наличествует в наиболее развитых странах, решающим образом стимулировала ощущение обездоленности и угнетенности. Одновременно в массовом сознании стал более четко, чем прежде, формироваться и образ виновника этого состояния – богатых стран, жирующих за счет обобранного большинства населения планеты.

Этому в значительной степени способствовало и такое последствие глобализации, как формирование в экономически отсталой части планеты массового слоя местной интеллигенции. Экономически и социально более благополучная, чем основные группы населения, она, тем не менее, оказалась, как это свойственно интеллигенции, духовно весьма открытой отмеченным выше настроениям и не только инкорпорировала, но и мультиплицировала их, придавая им идеологическую форму.

Разумеется, далеко не все представители этой массовой социальной группы перешли на экстремистские позиции. Тем не менее, далеко не секрет, что ряды экстремистских, в том числе террористических, организаций в экономически отсталых странах в значительной степени рекрутируются за счет выходцев из этой среды.

Немалую роль сыграли технологические причины. Усиление поражающей способности и миниатюризация средств массового уничтожения, возникновение его новых видов качественно повысили разрушающие потенции террористических актов. Соответственно резко возросла их эффективность, а, следовательно, и опасность. Более сложным стало их предотвращение.

Глобализация существенно затруднила контроль над потенциальными террористами. Ее непосредственным результатом явилось неимоверное возрастание людских потоков, пересекающих государственные границы. Помешать террористам раствориться в этих потоках практически невозможно. Усилия в этом направлении не дают результатов. Чтобы придать им минимальную эффективность, пришлось бы радикально сократить такие потоки. Но это бы означало, по меньшей мере, существенное торможение глобализации.

На руку террористам сыграла и специфика мироустройства.

На протяжении истекших десятилетий, под влиянием глобализации, структура человеческого сообщества неизменно усложнялась. Известно, однако, что чем сложнее система, тем уязвимее ее стабильность и тем эффективнее должны быть скрепы, гарантирующие ее существование. Однако усложнение системы международного человеческого общежития происходило однобоко. Поэтому, чтобы разрушить ее, сейчас требуются не такие мощные усилия, как в прошлом.

Абстрактно-теоретически это понимали и раньше. Однако практические выводы сделаны не были. Ситуация начала меняться только после террористических актов сентября 2001 года в США. Они убедительно показали, что в нынешних условиях даже сравнительно небольшая группа людей, объединенная общей целью и располагающая необходимой финансовой подпиткой, в состоянии не только нанести тяжелейший удар самой мощной державе мира, но дестабилизировать также всю мировую экономику и потрясти сложившуюся систему международных отношений.

Возможно ли в этих условиях успешно противостоять терроризму? Или же человечество обречено на то, чтобы отныне жить бок о бок с его растущей угрозой? Ответ на эти вопросы может быть найден лишь в ходе практической борьбы с таким уродливым порождением нынешней глобализационной модели.

Пока реакция на всплеск международного терроризма свелась к силовым акциям полицейского типа. Подобная реакция, конечно, была неизбежной. Террористическая вылазка такого масштаба, какой была кровавая акция против США, осуществленная в сентябре 2001 года, не могла остаться без адекватного ответа. Таким ответом и стала операция против талибов и структур Аль Каиды в Афганистане.

Однако ориентация лишь на акции полицейского типа бесперспективна. Если явление имеет глубокие социальные корни, одним

силовым воздействием с ним не справиться. Место одного ликвидированного противника тотчас же займут десятки новых. Тем более, что сейчас, в конкретной ситуации борьба с террористическими организациями начинает все больше походить на столкновение западно-христианской и мусульманской цивилизаций. Неоднократные опровержения на этот счет, к которым прибегают ныне в странах Запада, составивших костяк антитеррористической коалиции, не меняют сути дела. Процессы, происходящие в массовом сознании, плохо контролируемы. Уже сейчас в ряде регионов, как на Западе, так и на Востоке, наблюдаются опасные расистско-националистические эксцессы. Во что они выльются в дальнейшем, никто толком не знает.

Исключительная ориентация на силовые приемы опасна еще и по другой причине. Понятия террор и терроризм – весьма неопределенны. Их можно трактовать по-разному, насыщая различным содержанием. Неограниченное применение силы за пределами государственных границ в рамках антитеррористической операции создает соблазн использовать создавшуюся ситуацию для решения своих накопившихся внешнеполитических проблем, опираясь на заведомо расширенную трактовку терроризма. А это, в свою очередь, может опрокинуть весь сложившийся миропорядок.

Пока, насколько можно судить, ничего катастрофического не произошло. Однако некоторые признаки весьма опасного развития налицо.

Подорван авторитет Организации Объединенных Наций. Она оказалась, по сути дела, на обочине мировой политики. Стало очевидным, что в новых условиях с ней считаются мало. В обстановке широкомасштабной борьбы с международным терроризмом она так и не смогла стать тем, чем должна была быть: стержнем нового миропорядка.

Огромный урон понесло международное право. Действия основных игроков на мировой арене, предпринятые после сентябрьских событий 2001 г., убедительно продемонстрировали не только его несовершенство, но и то, что оно перестает действовать, как только становится помехой для держав, обладающих силой и влиянием, достаточными, чтобы заставить других уважать себя и свои интересы. Во всяком случае, тезис «Кто не с нами – тот наш враг», который руководство США, по сути, сделало лозунгом всей антитеррористической коалиции, сулит международному праву печальное будущее.

Очевидно, что действительная борьба с международным терроризмом, если она ориентирована на конечный успех, должна быть, прежде всего, направлена на приведение сложившегося миропорядка в соответствие с объективным уровнем глобализации, достигнутым в других сферах. Это, в свою очередь, предполагает объединение усилий наиболее влиятельных и финансово состоятельных государств, целью которых было бы решительное усиление

оправдавших себя на практике наднациональных институтов, а также разработка и осуществление международных программ, способствующих решению наиболее острых проблем, вставших сейчас перед человеческим сообществом. Не сводить старые счета, а работать вместе над преодолением как накопившихся, так и новых социальных и национальных противоречий и конфликтов – вот тот путь, который может привести к необходимым результатам. Путь этот длинный, но единственно продуктивный.

* * *

По мере ослабления эйфории, возникшей в ожидании величайших благ глобализации и поразившей немало умных и образованных людей, становится очевидным, что ее плюсы сопровождаются серьезными минусами. И осознание этого, подкрепляемое реальными негативными последствиями, овладевая массами, становится, как говорил когда-то один совсем не глупый человек, материальной силой.

Это, в свою очередь, означает, что главный вопрос, на который следует искать ответ, состоит не в том, существуют ли объективные факторы, стимулирующие глобализацию (ответ в данном случае представляется бесспорным), а в том, насколько результативны обстоятельства, работающие против глобализации, во всяком случае, в той форме, в какой она осуществляется, и не приведет ли сопротивление этих обстоятельств к результатам, отличающимся от тех, на которые рассчитывали (и во многом рассчитывают ныне) некоторые восторженные поклонники глобализационных процессов.

Вопрос о том, как следует вести себя в этих условиях России – требует специального рассмотрения. В рамках данной статьи можно лишь отметить, что возможные рекомендации на этот счет зависят от конечной оценки возможных последствий и перспектив того варианта глобализации, с которым приходится сталкиваться ныне.

Обычно, рассуждая о таких рекомендациях, используют своего рода двоичную систему, оперируя категориями «да» – «нет»: включаться в процесс глобализации или же закрыться от него. Представляется, что между «да» и «нет» существует огромное пространство для маневра. И искусство политики состоит в том, чтобы правильно использовать это пространство в национальных интересах страны.

Не следует закрываться от глобализации – это бессмысленно и бесполезно, тем более, что мы уже и так местами вползли в нее. Но стоит ли без оглядки погружаться в глобализационное море, не просчитывая возможных вариантов и последствий? Имеет ли смысл, пытаясь закалить младенца, выносить его обнаженным на мороз? Не приведет ли это к катастрофе? Представляется, что предпочтительнее осторожное, шаг за шагом, продвижение вперед при тщательном учете всех возможных выгод и потерь.